

ни забвения, ни утешения, если он не мучился тоской о скромной, тихой, непрятязательной жизни, то теперь перед ликом могущественной природы он испытывает одно стремление, одно желание:

Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Он пытается вылечить душу «пустыней и отколом», он идет даже на большее — пытается «от чужих отмахнуться забот, ни за что не болеть». Но эти попытки заведомо обречены на неудачу: и от забот он не может отмахнуться, и болеет он по-прежнему многими болями и бедами, доступными людям. Его стихи свидетельствуют о том, как кратко было вновь обретенное счастье, как призрачна мечта бродить «бережком, не с ружьем — с батожком» странником, ясновидцем. Отдаленные раскаты душевных гроз даже эти идеалистические стихи освещают тревожным, багряным светом. Я имею в виду прежде всего любовную лирику Александра Яшина. Его рассуждения о счастье малом и простом прерываются не-отступными, мучительными вопросами: «Как обо всем об этом сказать? Что не скажу — солгу»; прерываются невольными вздохами: «Нет, не просто на свете жить»; прерываются, наконец, печальными заметами сердца: «Ночь надвигается, словно стастья, а я не усну...».

Так рушится, словно береговой занос, сильный, но краткий душевный подъем, который был испытан А. Яшиным вначале. Его «Спас-камень», его Блудново не дало ему прочного и безмятежного существования. Да и сам он в одном из стихотворений замечает, что ему тягостно душевное равновесие. С предельной искренностью Александр Яшин оценил свои безнадежные попытки забиться, нет, не в башню из слоновой кости, а в простую охотничью избушку, в Бобришную пустынь:

Меня мужики называют
своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» —
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?
Я сочиняю стихи
Про желтые листья...

Когда встречаешь такое чистосердечное признание, начинаешь верить, что все-таки удалось поэту пройти босиком по родной стороне, что и этот желтый листопад в его поэзии не был бесполезен, что родной Се-

вер одарил его всем, чем мог, — и теперь лишь от доброго желания поэта зависит выбор им новых путей-дорог.

А за лесом — что?

Истинная поэзия всегда бóльше, чем короткие или длинные строчки, оперенные, как говорил Пушкин, рифмой. По-разному пытались определить это чудесное свойство поэтического слова поэты и эстетики: сколько времени существует поэзия — столько было у нее и определений. Одни считали, что поэзия тем и прекрасна, что она отнимает аромат у живого цветка, что она называет по имени все существующее в природе и в жизни человека, что у нее есть своя «бездонная глубина», своя «беспределность»; другие, что поэтическое слово имеет некое «магнитное поле», или, в соответствии с новейшими теориями, оно обладает своей «радиацией». Но в конце концов все эти определения были верны, но не полны, они не удовлетворяли ни читателей, ни критиков, ни самих поэтов и довольно быстро забывались. А поэзия «существует, и ни в зуб ногой», она продолжает волновать людские сердца даже тогда, когда поэтические строчки нанесены на ветхий папирус или на почерневшую от времени новгородскую бересту.

Вот почему бывает трудно объяснить самому себе (не говоря уже о других), что же такое поэзия, чем поэт отличается от стихотворца, художник от ремесленника, талант от заурядности. Ты это чувствуешь, но слов для выражения своих чувств найти не можешь.

Подобное затруднение я испытал, прочитав «огоньковский» сборник Ольги Фокиной «А за лесом — что?».

Ну чем же, думал я, подкупила меня эта тоненькая книжица? Почему я сразу же, с первых же строк, с такой охотой, с таким желанием погрузился в мир образов и ритмов, созданных молодой поэтессой, безоговорочно принял этот мир за свой внутренний мир, ее краски, ее душевые богатства — за собственные краски и богатства.

Только ли дело в том, что Ольга Фокина родилась на Севере, в Верхне-Тоемском районе, что «родная кровь» сказала

лась, помогла единению душ, над которым не властны ни время, ни расстояния, ни особенности житейского и литературного опыта?

Давно запали мне в память две строчки из стихотворения о том, как деревенская девушка уезжала в Москву учиться и как старуха мать наставляла ее перед дальней дорогой:

Но, за весла садясь, я махнула без слов,
И навстречу лучам заплескалось весло.

Сколько бы раз я ни перечитывал эти стихи, — в глубине моего сознания каждый раз всплывала одна и та же картина: на тяжелые весла ложатся загрубевшие от работы руки девушки, и лодка нехотя, медленно начинает пересекать реку против течения. Таких образных ассоциаций другие поэты во мне не вызывали, хотя подобные по сюжету стихи можно найти в каждом втором сборнике молодого лирика. Значит, нашла здесь Ольга Фокина что-то важное, характерное для жизни северян, в немногом сумела сказать многое.

Однажды поверив, я пошел вслед за ней «по непролазным горестям любви», пошел в избянью, потрясенную великой войной страну ее детства, стал радоваться ее радостями, обижаться ее обидами. Да и как мне было не обидеться, если не известный мне человек, но близкий и дорогой лирической героине, а следовательно, чем-то необходимый и мне самому, не понял очарования северных речек, не принял неброской, «без говорильни показной», красоты озимых полей. Разговор об этой самой неброской северной красоте стал общим местом во многих наших статьях и поэтических сборниках. Ольга Фокина, обладая обостренным чувством жизненной правды, социально обосновала его, придала ему гражданскую страстность:

Воспоминанья хороня,
Мы мало в памяти оставили,
Но луг от смерти спас меня
Своим и клевером, и щавелем..

В дни голодного военного детства северные леса и луга действительно стали для поэтессы второй матерью. Не случайно в одном из стихотворений Ольга Фокина навсегда и трогательно называет северную природу «природой мамой». Следуя правде жизни, она обновила эту «вечную» тему, придала ей совершенно новое звучание. Вот почему понятен и перелом в настроении

поэтессы: вместо обиды в ней закипает гордость.

Насильно милые — жалки,
Насильно в милые не просимся,
Но я — дитя моей реки,
Озиминка из этой озими, —

сказано спокойно, с тем чувством внутреннего достоинства, которое испокон веков отличало русских женщин, определяло их величавый славянский склад души.

Конечно, есть в сборнике О. Фокиной следы литературной учебы, следы семинарской прилежности, но не они, не эти следы и не эти отзвуки, создают общий настрой книги. Определяет его смелость Ольги Фокиной, властно взявшей меня за руку и позвавшей за леса, за тихие реки, в край, о котором так проникновенно написано заглавное стихотворение:

Под ветром — полей колыханье...
Меня не ищи — не найдешь:
Мне шепчет свое «до свиданья»
Еще не созревшая рожь.
Мой брат ее осенью сеял,
Сестра боронила весной,
И мамин платок закрасил
Над спелой ее желтизной...

Я обрываю стихотворную цитату, надеясь, что читатели найдут и дочитают это стихотворение до конца. Обрываю, чтобы высказать начатую фразу: поэзия — это смелость, это решимость позвать меня, тебя, всех нас за собою и не обмануть нас в наших ожиданиях, открыть нам красоту земную и красоту душевную в новых, не ведомых нам прежде сверкающих гранях. А если так, то значит перед нами истинная поэзия и автор стихов — истинный поэт.

Новая встреча

Стихи Александра Романова я читаю, как дневник товарища студенческих лет, с которым мы давным-давно не виделись, не говорили по душам, но о котором мне хочется узнать все: чем он живет, что он видит в родных местах и чем заняты теперь его ум и сердце. Прошли годы, и, как часто это бывает со старыми друзьями, встреча приносит немало неожиданностей: замечаешь не только прежнюю доверчивость, прежнее добросердечие, особую чуткость к настроению других, но и грустноватую складку в уголках улыбчивых губ, напряженность мысли в глазах, когда-то полных беспечности и молодого задора.